

Рихард Демель

Название: «Нагорный псалом»

Отпущенные аспиды ярятся,

змеясь волнами трав, как шёлком риз.

Шипит вода, и ивы серебрятся,

в свистящем стоне главы тянут ввысь.

Ввысь, только ввысь! Ведь в буйстве бури адском

на круче я хочу стоять один

и зреть далекий свет родных долин,

внимая рёву, с коим тучи мчатся.

Паломники, куда? К краям родным?

Вцепиться б мне в растрёпанные кудри!

Клочками сердца — бременем моим —

всецело влиться в гущу чёрной бури!

О край родной! Мерцанье синих струй,

зовущих небо из древесной чащи,

как будто бы из сени грёз манящих

взгляд матери и чистый поцелуй.

Что плачешь шквал? Очнись, воспоминанье!

Там клёкот сердца — город в дымке зорь!

Тьма языков вопит одно воззванье:

"Покой и счастье!" Червь, о чем же боль!

Не сирость, мрак в сердцах сочатся стынью,

в глубинах лишь родник живой крови —

народный плач по яростной любви!

Как ты предался сладости унынья?!

Но зришь ли мглу, что дланями грозит,

над лесом труб фабричных нависает?

Трудяг издевка грязь твою язвит

и страсть твою к невинности пятнает.

Всегда ты нежил сонм печальных дум,

себя лелея слепо в смуте страстной.

Чтоб грех убить в утробе неподвластной,

излей в себя благословенный глум!

И, словно кровь пылает в зубьях башен —
венец из терний, жгущий града лоб;
взрастает солнце пальмовым плюмажем;
как веер, тучи гонит искр сноп.

Великий град: из сердца или чрева
взывает глас голодных душ, ярясь.

Так кровь Христа струится в этот час,
река любви колышется от гнева.

Так чашу пота дух пресуществит,
и тягот крест я зрю увитый цветом,
Смеешься буря? Мгла тростник клубит,
стенают сосны, плоть и плащ под ветром:

"Восстань от сна! Дурман развей! Очнись!

Не дай огню истлеть в тщедушных грёзах!

Деяний пламя — вере лучший посох!"

Восстань, мой дух! Душа, с небес спустись!

Рихард Демель

Название: "Двое"

В полумраке, вокруг фигуры темной
серой кучкой люд замороженный,
словно мыши около удава.
С дрожью страха скоп зевак взирает:
горних духов медиум призывает.
Вся трясется, спазм сковал суставы,
в трансе телепатка громко стонет;
тут из залы даму ужас гонит:
шелест платья, бледность, дышит часто;
следом только спутник безотказный.
На улице застыла, шепчет страстно:
"Бесстыдны, inferнальны эти очи!
Да, в вампиры я гоюсь не очень!
Прости мне прихоть: фарс – не лучшая затея!
Мне так стыдно! В те минуты мнилось,

что я сердцем будто духу покорилась!"

"Ну а ты? А ты? Скажи!" — и колкий взор острее.

Кипящий город, ночь огнями расцветилась.

"А я?! — бесстрастен он, а взгляд светлее. —

Что мне до деланных экстазов?

До сумасшедших пустоплясов,

что вправду верят с важным видом,

что духов горних укрощают,

но соком бренным, ядовитым

никчемный дух свой опьяняют!?

К чертям собачьим, простофиль блаженных,

их мечту сильнее стать божеств нетленных!

В душе из них каждый стремится

назад к животным возвратиться!

Коню, что уши наострил

в ночи кромешной, где возницы глухи,

ему поболе внятны духи,

чем тем, кто пот флюидов лил. ⁱ

Окстись! Невероятно, нет разгадок?

Так, значит, разум приведи в порядок!"

Двоих идущих свет вдруг озарил.

Рихард Демель

Название: «Цикл перемен»

После прощального визита

к престарелому тайному советнику.

Не в событиях правда жизни,

сути мы не понимали!

Правда жизни только в жизни,

в той, что чувствами познали.

Всею душою хмель хлебнувший,

я любил и всё на свете:

свои чувства, речи эти,

в отражении утонувши.

Но теперь, свой сон нарушив,
осознать пора мне цели.

Ведь деяния красят мужа,
юным только чувств купели.

Всё былое со всем новым
здесь в сплетении неразлучном.

И уже не разделить нам
тёмный огонь их злополучный.

В том костре живет, пылает
пламя истинных явлений.

Тайный пыл в огне мерцает,
как времен грядущих тени.

Скоро ли четверка Феба
Круг свершит свой на отроге?
Мчит ли к Раку взгорком неба?

Закружит ли в Козероге?

Дрогнув, кажется, застыла
прямо между двух затмений,
снова, кажется, поплыла.
Но тебя снесет течение!

Рихард Демель

Название: «Песня поэта - изгоя»

Из Франсуа Вийона

Помру от жажды около колодца;
Горяч, как лава; словно сталь о сталь,
колотят зубы, хоть сижу на солнце.
В краю родном я – кедр среди скал.
Гол, как червяк, камзол – Сарданапал!
Грущу надеясь, смех – скорее плач;
тоска сытней, чем с голоду калач.
Изгоем стал, изгоя дух не пал.
Моё блаженство – это мой палач.

Людьми любим, но их любви бежал.

Ни в чём я не уверен, как в неверном,
Темно всё то, что явно для других;
Всё, что им ясно, знаю лишь примерно,
Поскольку случай точно выше их.
Я в дураках, обставив остальных.
С утра молю: "Ты ночью не оставь!"
Боюсь упасть, валяясь в гуще трав.
Я стал богат, когда всё потерял.
Наследства жду без всяких кровных прав

Людьми любим, но их любви бежал.

В душе моей лишь злобное стремленье
к любви и счастью, хоть мне бес один.
Хвалу и почесть слышу лишь в глумлении,
И тот мне друг, кто говорит: "Кретин!"
Ведь драный кот суть ряженный павлин!"
Правдивый тот, кто вечно кормит ложью;

предатель учит: "Мне-то верить можно!"

Где правда сплошь, лжи сладость утерял;

А что не знал, то вспоминать несложно.

Людьми любим, но их любви бежал.

¹Примечания переводчика:

Фраза «als solch ein Mensch, das Od ausschwitzt» в дословном переводе означает : Чем человек, который источает флюид». Из контекста становится ясно, что речь идет о медиуме, который в процессе спиритического сеанса занимается материализацией духа, которая, согласно господствующим в эзотерике представлениям, является процессом вполне физическим. Медиум впадает в транс, а из пор его тела или из других естественных отверстий начинает выделяться флюид (другие названия «эктоплазма», «психоток») – особый род материи, с помощью которого в свою очередь вызываемый дух обретает плотскую форму. Первое описание этого явления можно найти у Сведенборга, развернутые упоминания в книге Артура Конан Дойла «История спиритизма».